

Глава 2

«ЛУЧШИЕ ПОДРУГИ»

В одном городе, в одном дворе и одном доме живут две девочки-погодки. С малых лет и до сегодняшнего дня они дружат так, что знакомые удивляются. Это ж надо, уже и замужем обе, а так часто бегают друг к другу. И никто не слышал, чтобы хоть раз поругались. Одна из них выросла в состоятельной семье, хорошенькая как куколка, а другая и красотой не блещет, и семья всю жизнь жила от зарплаты до зарплаты. Отец тянулся, чтобы гараж достроить для старенькой машины, а мать — чтобы коммунальные заплатить, продуктами запастись и одежду детям обновить. Красавицу зовут Лена, а подругу ее — Валя. Валина мать поначалу за работой и семейными заботами не обращала внимания на дружбу дочери, а когда пригляделась, принялась хоть поздно, но воевать с дочерью:

— Что же ты превратила себя в моральную рабу Ленки? Бегаешь к ней по первому зову, как собака к хозяину.

— Мама, ты не понимаешь. Ей, кроме меня, даже поговорить не с кем.

— У нее мать есть, муж, брат, а ты там часами сидишь, вместо того чтобы дома заниматься делами своей семьи, мужем и ребенком.

Мать начала замечать, что Валентина стала абсолютно безразлична к своей очень больной дочери, с мужем стала скандалить так, что отец от волнения выбегал на улицу курить и возвращался осунувшимся. И вот однажды, когда Валентина в очередной раз рванула к подруге, мать через несколько минут пошла за ней. Дочь, полная и неуклюжая дома, на улице развила такую скорость, что мать еле поспежала следом, боясь потерять ее из виду. Подруги встретились на скамеечке за домом. Радостно обнялись, как родные любящие сестры, и, прижавшись друг к другу плечами, уселись на скамейку.

Мама, как доморощенный детектив, спряталась за угол торговой палатки, самой близкой точки для наблюдения, и наострив уши стала вслушиваться в слова своей дочери.

— Да заколебала уже старуха, не пускает меня к тебе и все тут. Малая орет днем и ночью. И в больнице с ней лежали, и массажики всякие делали, но только никакого толку.

— Да ты не волнуйся, — ответила подруга, — они все кричат маленькими, вырастет — перестанет.

— Тебе хорошо говорить, у тебя своих нет, ты спишь спокойно да все по заграницам ездешь. Ой, извини, я обещала же не трогать тебя по поводу детей. Ну не дуйся. Поживи в свое удовольствие, у тебя и муж любящий, и богаты вы. Вот живи и радуйся.

— Ну хватит. Давай закроем эту тему. Давай дальше читаем. На чем мы в тот раз остановились?

— Как отвести от мужа соперницу.

Женщины наклонились над книгой и, еле шевеля губами, стали что-то читать.

У следившей за всем этим матери остановилось дыхание. Вот это открытие! Да они же магией занимаются! Она, не думая о последствиях, выскочила из своего укрытия и, подбежав к ничего не подозревающим, увлеченным чтением подругам, выхватила книгу из рук Лены. Онемевшие, перепуганные женщины смотрели, как она бегающими глазами пытается что-то прочитать, а потом, захлопнув книгу, громко, на всю улицу выговаривает название: «Черная магия». Потом переводит взгляд на свою дочь:

— Я тебе дам магию, а ну домой, к дитю. А ты, Ленка, если от безделья нечем заняться, найди себе другую дуру, а мою не втягивай ни в какие магии, она и так дома палец о палец не ударит, только все глаза в потолок пялит.

Валентина подняла свое грузное тело и пошла на мать как танк.

Скандал этот слышала вся улица. Дочь обливала мать грязью без зазрения совести, мать тоже, уже ни о чем не задумываясь, оскорбляла свое родное дитя. И только когда обе одновременно повернувшись к Лене, увидели ее ехидную улыбку, они резко перестали орать друг на друга.

— Ах ты, гадюка, да ты еще и радуешься, когда моя дочь меня оскорбляет! Смотри, дочь, смот-

ри, да она же цветет и хорошеет, а мы обе как выжатые.

Валентина, разом осунувшаяся и посеревшая после такой баталии, ласково посмотрела на подругу и проворковала:

— Ладно, извини, Лена, я пойду, а то эта дура все равно не уймется и не даст нам читать.

И, вильнув здоровенным задом, пошаркала ногами в сторону дома.

— Что вы, тетя Женя, стойте, присаживайтесь, отдохните, а я тоже пойду домой. Мама едет в салон, и я с ней за компанию. — И плавно, величаво, как царица, Лена поплыла к своему подъезду.

Это было предисловие, в котором кроется разгадка следующего события.

К девяти утра к воротам моего дома на такси подъехали Валя, ее мать и ребенок десяти месяцев — девочка Юля. Здоровая, упитанная, с модно подстриженными, но жирными реденькими волосами молодая женщина, войдя в дом, уселась на заскрипевший всеми креплениями диван. Бабушка, суется, защебетала:

— Сними, Валечка, шапочку с дочки, ей жарко, — и уже обращаясь ко мне: — Хочу, чтобы вы посмотрели, может, поможете нам в горе.

Ребенок кричал немилосердно и нечеловеческим голосом. Слабенькие ручки и ножки подергивались, худенькая шейка держала голову с напряжением, как будто та была непомерной тяжести, глаза, выпученные, неестественно большие, смотрели в пространство и, казалось, висели

на ниточках, которые вот-вот оборвутся — и глазки выпадут.

Мать, как надгробное изваяние, даже не шелохнулась, чтобы успокоить маленькую девочку. Злое лицо, глаза с раздражением закатаны под лоб, взгляд поймать невозможно. Вот это экземпляр...

— Держи дочь, — обратилась я к Валентине.

Став на колени, я положила руку на Юлечку и стала молиться. Слава Тебе, Господи! Усилившийся сначала крик стал понемногу стихать, блуждающие глазки нашли меня, посветлели, личико выдало нежную улыбку. Окаменевшая, закатившая глаза мать не проявляла никаких эмоций.

— А ну выверни глаза в обратную сторону и смотри на меня. Я тебе не мать, которую можно игнорировать и посылать.

Валя, сверкая злобой, как молниями, повернулась ко мне.

— Слушай. У тебя есть подруга.

— У всех есть, — съехидничала Валентина.

— Ты права, — продолжила я, — она красивая, богатая.

— Это вам мать уже натрындела?

— Ты послушай. Ты у подруги в клоунах всю жизнь. Она тобой оттеняет свою красоту, на твоём фоне она ещё красивее. А ты всю жизнь и по сей день завидуешь ей.

— Я? Завидую? Да никогда. Я люблю её как сестру.

— Завидуешь сильно, но ты права, что говоришь о любви. Ты никогда не желала ей зла, уже хоть в этом молодец. Теперь о подруге.

— Да что вы к ней прицепились. Я вам больного ребенка принесла, а вы подружке кости перемываете.

— Хочу, чтобы ты поняла, почему не нужный тебе абсолютно ребенок так болеет. Подругу твою с малых лет одолел дух гордыни и буквально ее распирает. Мнимое покровительство над тобой щекотало ее самолюбие, и, даже делясь с тобой конфетой, она наслаждалась твоим раболепием. Замуж она вышла за того, о ком можно только мечтать. Свекровь и свекор буквально боготворят ее, потому что она и хороша собой, и дочь видных, состоятельных родителей. А без тебя она уже не может жить.

— Вот видите, одна Лена понимает меня, а я ее.

— Ты пойми, дите упертое, твоей подружке, а вернее, тому, кто в ней сидит, нужна «пища».

— Да кто в ней сидит? Что вы выдумываете.

— Сидит дух гордыни, я уже тебе объяснила, а злая сила нуждается в подпитке, она растет от этого.

— И во мне, может, сидит кто-то? — хохотнула Валя.

— Да. В тебе сидит дух, откормленный, взлелеянный твоей наглостью, упорством, ненавистью к мужу, ребенку, родителям, завистью к богатству, красоте и свободе подружки.

Рядом заволновалась мать:

— Во-во. Я ей говорила и просила, плакала, так нет же, ни в какую. Орет на всех как потерпевшая. Она, видите ли, нервничает, у нее нервный срыв какой-то. Нам в ее-то годы не до нервных срывов

было, работали с малых лет. А эту ограждала с детства от работы и забот, вот и вырастила себе в наказание.

— Успокойся, родная, все будет хорошо. Бог милостив. Теперь дальше. Ты, Валя, так скверно говоришь Лене о своей семье, что Небесам горько. Та же в ответ сочувствующе поддакивает и кивает, вместо того чтобы остановить тебя и не дать пищи твоему и ее нечистому. Если бы ты видела, как они насыщаются вашей темной энергией! Вот как ты вдыхаешь аромат дорогих духов подруги, потом долго обвиняя семью, что «тебе никогда таких не видать, достали эти нищие», так же нечистый вдыхает исходящую от вас скверную силу и растет, растет. Если дух объедения разогнал твой аппетит до непомерного, то что же вытворяют духи ненависти и прочие?

— Ой, — тихонечко сказала мама Вали, — она действительно так много ест.

Дочь, сузив глаза и раздув ноздри, тут же гаркнула:

— Да какой там дух, у меня просто хороший аппетит, а если мне надо будет похудеть, то я сяду на диету. Лишь бы мужу нравилось, на остальных наплевать, а он не жалуется.

Вот так первая наша встреча прошла для Вали почти безрезультатно, зато наступило улучшение у ребенка.

Через три дня они снова все приехали в назначенное время и приятно удивили.

Валя была аккуратно одета и причесана, с человеческим выражением лица. Ребенок спал на большом

ее животе, и молитва проникала в тело матери и малышки как живой источник. Бабушка то садилась, то вставала, все время быстро крестилась.

— Вы знаете, Юлечка ведь у нас на ножки вообще не встает.

— Да видно и так. Но вы не волнуйтесь. Юля сейчас уже пойдет к вам, и вижу в будущем, как бегает, даже слышу стук ее туфель.

— Ой! Дай-то Бог! Дай-то Бог! — запричитала бабушка.

Я взяла на руки проснувшуюся от громкоголосой бабушки девочку, поставила аккуратно на пол и, взяв сзади под ручки, направила к бабушке. Та от удивления и радости затараторила:

— Иди к бабушке, иди ко мне.

Маленькая сначала заперевирала ножками на одном месте, а потом уверенно пошла в сторону протянутых к ней рук.

— Слава Богу.

Валя смотрела на все происходящее как сова с дерева — чуть повернув голову и с таким тупым равнодушием, что хотелось плюхнуть ей водой в лицо, чтобы очнулась.

— Да вы представьте, — начала рассказывать бабушка, — моя дура позвонила подружке и рассказала о вас, та просит теперь ваш телефон. Я сказала: не давай, но эта корова уже успела отправить ей ваш номер.

— Ничего страшного. Мой номер есть много у кого. Вы напрасно поругали свою дочь — это раз, а во-вторых, вы столько раз успели ее оскорбить — «корова», «дура» и прочее.

Валя заерзала на диване и вдруг с благодарностью посмотрела в мою сторону:

— Да она всегда орет на меня, если что не так.

— Валя, она мать, и, наверное, прежде чем орать, она тысячи раз пробовала разговаривать с тобой спокойно. Ты не ребенок, а взрослая женщина. Я вижу, как ты поднимаешь на руки Юлю в немыслимой злобе, трясешь ее, орешь на малютку и швыряешь после этого на постель.

Большие обвислые щеки в одно мгновение стали алыми:

— Да это было всего один раз. Она достала уже своим непрерывным криком.

Мать снова накинулась на Валентину:

— Да как ты могла! Она же совсем кроха, а ты такая здоровенная кобыла. У тебя от лени дурной силы непомерно. Это же надо! Ты понимаешь, что можешь убить родное дитя?

Мне пришлось вмешаться:

— Мать и дочь, посмотрите друг другу в глаза и скажите: «*Господи, помилуй*». Я вас очень прошу. Вы бы видели, как радуются нечистые гибели ваших душ, проявите хоть каплю уважения и родственной любви.

Молодая и старая женщины притихли, тяжело дыша, и с трудом подняли глаза. И как лучи прожекторов в ночи ищут цель, так и они, пересиливая зло, неуверенность, встретились зримо и энергетически.

— Господи, помилуй, — первой произнесла Валина мама и залилась слезами.

— Господи, помилуй, — пробубнила Валентина.

Нечисть в то же мгновение как ветром сдуло. Валино большое лицо посветлело, и она, как проснувшись от долгого сна, спокойным голосом еще несколько раз повторила:

— Господи, помилуй.

Как бы хотелось, чтобы в этой семье закрепилась сила Божия и благодать Его. У меня на душе потеплело, и со двора я проводила уже мирно воркующих мать и дочь. Юлечка вертела головкой, резво дрыгала ручками и ножками, радовалась бегающей собаке.

— Спасибо вам.

— Бога благодарите. Любовью, терпением, молитвой храните мир в семье и свое здоровье.

— Можно мы еще раз придем?

— Хорошо. Приходите.

В третий раз, зайдя в дом, обе так дружно перекрестились на образа в комнате, что по ней пошел ветер.

— Здравствуйте, бабушка, спасибо вам, — сказала Валентина. — Мы теперь, прежде чем кричать друг на друга, сначала громко говорим: «*Господи, помилуй*». И тут же пропадает всякое желание оскорблять друг друга. Так интересно, вы себе представить не можете!

— Могу, могу, дитя, мне ведь в первый твой приход тоже хотелось не только вытолкать тебя за ворота, а еще и отругать хорошенько. Так что и мне приходилось несчетное число раз на дню просить: «*Господи, помилуй*».

Расскажу один случай.